
ВЕРШИННЫЕ СОСТОЯНИЯ ДУХА

В. Франкл

ВОСПОМИНАНИЯ: АВТОБИОГРАФИЯ. Часть 3. Окончание. Перевод А.Н. Зелинской

Viktor Frankl "Recollections" 2000.

Виктор Франкл «Воспоминания», автобиография автора «Человек в поисках смысла»
(Перевод на англ. Джозеф и Джудиф Фабри)

Вступительное слово: Джозеф Фабри

*Оригинальная версия этого издания была опубликована в Германии под названием «То, что не сказано в моей книге». Перевод сделан по второму изданию (Издательство Союз, Вайнхайм, Германия).
Первое издание книги в мягкой обложке — июнь 2000 г.*

Иммиграционная виза

Мне пришлось ждать несколько лет, пока пришел мой «квота номер», который позволял иммигрировать в США. Незадолго до Пёрл-Харбор меня вызвали в Американское посольство забрать мою визу. Тогда я начал колебаться. Следует ли мне оставлять моих родителей? Я знал, что их судьбой будет — депортация в концентрационный лагерь. Я спрашивал себя: смогу ли попрощаться с ними и оставить на произвол судьбы? Виза давала возможность уехать только мне одному.

Так и не приняв решение, я вышел на прогулку. У меня в голове крутилась мысль: разве это не та ситуация, которая требует подсказки, намека свыше? Когда я вернулся домой, мой взгляд упал на небольшой кусочек мрамора, лежащего на столе.

- Что это? — спросил я отца.

- Это? О, я взял это из развалин синагоги, которую они сожгли дотла. На этом кусочке часть десяти заповедей. Я даже могу сказать часть какой заповеди высечена на этом камне. Есть только одна заповедь, которая использует букву, написанную здесь.

- И это...? — спросил я нетерпеливо.

- Читайте Вашего отца и Вашу мать, чтобы продились дни на земле, которые Господь Бог дает Вам, — ответил отец.

Так я остался «на земле» со своими родителями и позволил сроку визы истечь.

Может быть, я принял это решение глубоко внутри себя, еще задолго до того; а это предсказание

оракула стало лишь эхом голоса моей совести. Можно сказать, что это было своего рода проективным тестом. Кто-то мог увидеть в куске мрамора только карбонат кальция. Но, разве это не было бы проективным тестом? В этом случае, возможно, экзистенциальной пустотой.

Исходя из этого, я хотел бы поделиться историей, как я использовал психотерапевтическую технику. Это помогла мне отложить на один год депортацию моих родителей и меня. Однажды утром, я был разбужен телефонным звонком из Гестапо. Я должен был дать отчет в штаб-квартире в указанное время.

- Следует ли мне взять второй комплект одежды? — спросил я.

- Да, — последовал ответ. И это означало, что я буду отправлен в концентрационный лагерь и никогда не вернусь домой. Я давал отчет в штаб-квартире. Меня допрашивал эсэсовец. Он хотел узнать некоторые подробности о человеке, который после шпионажа, бежал за границу. Я сказал, что знал имя этого человека, но никогда не встречался с ним.

- Ты психиатр, не так ли? — спросил эсэсовец. — Как Вы лечите агорафобию? У меня есть друг, который страдает агорафобией. Что могу я сказать ему?

- Скажите ему, что всякий раз, когда им будет овладевать этот страх, он должен говорить себе: «Я боюсь, что могу упасть в обморок на улице. Вот и хорошо. Это именно то, чего я хочу. Я упаду в обморок, и толпа соберется вокруг меня. А так же, что еще хуже, у меня будет сердечный приступ и инсульт и так далее, и так далее». В общем, я дал ему рекомендацию, как

использовать парадоксальную интенцию. Вскоре я догадался, что он спрашивал о себе.

Как бы то ни было, эта косвенная процедура логотерапии, должно быть, сработала. Иначе я не могу объяснить, почему мои родители и я не были депортированы в концлагерь в течение целого года.

Тилли

Именно в больнице я встретил мою первую жену Тили Гроссер. Она была медицинской сестрой при профессоре Донас. Я обратил на нее внимание, потому что она смотрела на меня, как испанская танцовщица. Но что на самом деле свело нас? Желание Тилли отомстить за ее лучшую подругу, с которой я встречался, а затем оставил. Я догадался и сразу сказал об этом Тилли. Это, очевидно, произвело на нее впечатление.

Кроме того, я должен сказать, что решающей частью наших отношений было не то, чего стоило бы ожидать. Я не женился на ней потому, что она была такой красивой, а она не выходила за меня замуж, потому что я был таким умным. И мы чувствовали себя хорошо, потому что это были не наши мотивы.

Конечно, я был впечатлен красотой Тилли, но именно ее характер был решающим фактором; ее природная интуиция, чуткое сердце. Приведу один пример: Мать Тилли обладала преимуществом защиты от высылки в лагерь, потому что Тилли была стационарной медсестрой. Однажды вышло новое постановление, которое отменяло эту защиту для всех членов семьи. Накануне дня вступления этого закона в силу, около полуночи в нашу дверь позвонили. Тилли и я в этот момент были в гостях у ее мамы. Когда раздался звонок, никто не решился открыть дверь. Мы испугались, что началась депортация. Наконец, один из нас открыл дверь, и кто стоял перед дверью? Посыльный из еврейской общественной службы. Он просил мать Тилли начать новую работу следующим утром — вынос мебели из жилья только что депортированных евреев. Он так же вручил ей сертификат, обеспечивающий ее защиту от депортации.

Посланник ушел. Мы сидели втроем и смотрели друг на друга, светясь и радостно улыбаясь. Первой, кто нашел слова, была Тилли. И что она сказала? «Ну, не Бог что-то!» Это был самый красивый и, безусловно, самый короткий итог теологии, который я когда-либо слышал.

Но что побудило меня жениться на Тилли? Однажды она готовила обед в квартире моих родителей, вдруг зазвонил телефон. Это был экстренный вызов из больницы Ротшильд. Пациент был доставлен после

попытки самоубийства с использованием снотворного. И я подумал, что мог бы использовать свою магию хирургии головного мозга. Я даже не стал дожидаться свежего кофе, положил несколько кофейных зерен в свой рот, чтобы жевать и бросился ловить такси. Хотя евреям было запрещено ловить такси.

Через два часа я вернулся, но уже упустил возможность совместного обеда. Я подумал, что Тилли уже поела, хотя, в действительности, поели только мои родители. А Тилли ждала меня. Когда я вошел, Тилли не сказала мне: «Наконец-то, ты вернулся. Я сторожу твой обед». Реакция Тилли была другой: «Как все прошло? Как пациент?» В этот момент я понял, что хочу жениться на этой женщине. Не потому что она была той или иной. Потому что она была такой, какой есть. Она была собой.

Мы были уже в концентрационном лагере, когда я на 23-летие Тилли подарил небольшой подарок, все, что смог достать. Я вручил ей это с открыткой, на которой написал: «В этот твой особенный день, я желаю тебе, чтобы ты всегда была честна с самой собой». Двойной парадокс: на ее день рождения я желал чего-то для себя, а не для нее; я хотел, чтобы Тилли хранила верность не мне, а самой себе.

Мы и еще одна супружеская пара были последними евреями, которым национальная социалистическая власть разрешила пожениться. После этого был распущен еврейский ЗАГС. Другой парой были мой учитель истории средней школы (20 лет назад) — доктор Едельманн и его невеста.

Неофициально, но фактически, евреям запретили иметь детей, даже тем парам, которые были в официальном браке. Вышел декрет, что с настоящего времени беременные еврейские женщины будут немедленно депортированы в концентрационный лагерь. Медицинское общество было проинструктировано не вмешиваться в аборт еврейских женщин. Тилли пришлось пожертвовать нашим ребенком. Она была беременна. Эта книга — неуслышанный крик смысла; крик о нашем нерожденном ребенке.

После нашей свадебной церемонии в Еврейском общественном центре под традиционным еврейским куполом, мы не имели права даже на то, чтобы взять такси. Это было запрещено для евреев. Нам пришлось идти пешком. Свадебные фотографии — Тилли в белой фате — мы делали на улицах Вены. По дороге домой мы увидели книжный магазин, на витрине которого была книга «Мы хотим пожениться». После долгих раздумий, мы решились войти. Тилли в ее белой фате, и мы оба с желтыми еврейскими звездами. Я получил удовольствие, заставив Тилли попросить эту книгу. Я хотел поощрить ее утверждением. И вот она... белая

фата, желтые звезды на платье... в ответ на вопрос продавца: что желаете? Тилли сказала, краснея: «Мы хотим пожениться».

После войны наши свадебные фотографии неожиданно пришли мне на помощь. Я был первым австрийцем, которому оккупационные силы разрешили выезд за границу, для выступления на конференции в Швейцарии. Из Инсбурга я телеграфировал в Цюрих друзьям семьи Тилли, которых я никогда не встречал, и попросил встретить меня на железнодорожном вокзале. Для того чтобы они могли узнать меня, я сказал, что буду одет в пальто с красным треугольником. Этот треугольник был эмблемой, которую евреи должны были носить в концлагере.

По прибытию в Цюрих я ожидал встречающих, не зная, кого именно я жду. Наконец-то, из тумана появилась женская фигура, медленно приблизилась ко мне и, запинаясь, держа в руках фотографию, пыталась сравнить изображение на фотографии с человеком, который стоял перед ней.

«Вы — доктор Франкл?» — спросила она. Потом я увидел, что она держала нашу свадебную фотографию, на которой была Тилли и я. К счастью, эта женщина взяла с собой фотографию, иначе никогда бы не нашла меня. На вокзале были толпы людей с красными треугольниками на петлицах. Как оказалось, в тот вечер волонтеры собирали деньги для программы «Зимняя помощь», которая поставляла базовую еду и уголь наиболее нуждающимся гражданам. Каждый, кто бросал монету в копилку, получал в знак оплаты красный треугольник. И эти красные треугольники были крупнее и еще более заметны, чем мой.

Концентрационные лагеря

Через девять месяцев после свадьбы мы оказались в «Терезиенштадте» — в концентрационном лагере, который менее чем все остальные достоин порицания и осуждения. Там Тилли получила двухгодичное освобождение — защиту от депортации в Освенцим, так как работала на военном заводе, который имел большое значение для военных действий. Я, однако, был призван для «транспортировки на восток», и мы предполагали, что это означало «Освенцим». Я знал Тилли очень хорошо, и был уверен, что он сделает все возможное, чтобы идти со мной. Поэтому я горячо просил ее не присоединяться к моей транспортировке добровольно. Делать это было бы опасно более чем по одной причине. Это могли расценить, как желание подорвать военное производство. Несмотря на уговоры, не поставив меня в известность, Тилли добровольно вызвалась и была одобрена к транспортировке.

Во время транспортировки она была верна самой себе. После недолгой паники, когда Тилли воскликнула: «Ты увидишь, мы едем в «Освенцим», — она вдруг снова стала очень спокойной. В переполненном грузовом вагоне она начала разбираться со смешанным багажом и заняла других, чтобы они помогли ей.

Последние минуты накануне нашего расставания в Освенциме, мы провели вместе. Тилли была внешне спокойна. Она шепнула мне, что разбила часы (будильник, как сейчас помню) для того, чтобы они не достались эсэсовцам. И она, по-видимому, наслаждалась этой победой. В лагере мужчины и женщины существовали отдельно, поэтому мы знали, что нас разлучат. Я обратился к Тилли в самом жестком и настойчивом тоне, как только мог, чтобы она услышала каждое мое слово. Я сказал: «Тилли, оставайся живой, любой ценой. Ты слышишь? Любой ценой!»

Я пытался сказать, что если она окажется в ситуации, в которой сможет спасти свою жизнь, только ценой сексуальной близости, ее не должны останавливать чувства ко мне, мысли обо мне. Давая ей, если можно так выразиться, отпущение грехов заранее, я надеялся, что это поможет мне избавиться себя от чувства вины, если такой запрет приведет ее к смерти.

Вскоре после моего освобождения из «Турхайма», идя по полю недалеко от Мюнхена, я познакомился с Голанским чернорабочим. После освобождения он стал беженцем, вынужденным переселенцем. На протяжении всего разговора, он играл маленьким предметом в его руках.

- Что это у тебя? — спросил я его.

Он открыл ладонь, и я увидел крошечный золотой глобус; океаны, нарисованные синей эмалью с золотой кромкой на экваторе. На этом глобусе была надпись: «Весь мир превращается в любовь». Это был кулон-подвеска. Он выглядел так же, как подаренный мной Тилли кулон на ее первый день рождения, который мы праздновали вместе. Я подумал, что он может оказаться именно тем кулоном. Когда я покупал его, мне сказали, что в Вене таких кулонов только два. В Бад-Вёрисхофене, недалеко от «Турхайма», был обнаружен склад, в котором эсэсовцы сохранили огромную коллекцию драгоценностей, полученных из лагерей смерти. Это означало, что Освенцим был основным источником. Я купил этот кулон у своего собеседника. Он был слегка помятый, но весь мир до сих пор превращался в любовь.

Еще одно воспоминание, связанное с этим. Это было в первое же утро моего возвращения в Вену. Август 1945. Я узнал, что Тилли погибла, как и мно-

гие другие, после освобождения английскими солдатами лагеря «Берген-Бельзен»¹. Они обнаружили 17000 трупов и в течение следующих 6 недель еще 17000 заключенных, которые умерли от болезней, голодания и истощения. Тилли, должно быть, была среди них.

Депортация

Разрешите мне вернуться назад к моменту моей высылки. Ситуация в Вене становилась все более злобшей, наша семья ожидала депортации. Я думал, что хотя бы основы логотерапии должны пережить меня, поэтому я сел и написал свою первую работу «Доктор и душа».

Позже, когда я прибыл в «Освенцим», эта рукопись была зашита в подкладку пальто, я решил спрятать ее там. Конечно, она была потеряна, когда мне пришлось бросить на землю все: одежду, последнее немногочисленное имущество; мою гордость и радость — значок альпийского клуба «Donauländer» (в переводе с нем. «Придунайские страны»), который сертифицировал меня как гида восхождения.

В лагере «Терезиенштадт» образцовым гетто Гитлера я был помещен, на некоторое время, в так называемую «Небольшую крепость» на периферии лагеря. Уже здесь, еще до Освенцима я почувствовал горький вкус настоящего концентрационного лагеря. После нескольких часов тяжелой работы, меня тащили назад к моей казарме с 31 ранением различной тяжести. Тащили меня венские разбойники, мелкие уголовники, о которых я расскажу позже. Тилли увидела меня и бросилась ко мне.

«Боже мой, что они сделали с тобой?» В бараке она — обученная медсестра заботилась обо мне, перевязала раны. Тилли хотела отвлечь меня от страданий. Она перенесла меня в другой барак, в котором джазовый оркестр (известный в Праге) играл без официального разрешения. Они играли мелодию «Для меня ты красива», которая в «Терезиенштадте» была неофициальным гимном евреев.

Контраст между неописуемыми пытками утром и джазом вечером был типичным для нашего существования, со всеми его противоречиями красоты и безобразия, человечества и жестокости.

Освенцим

До сих пор я никогда не писал о том, что случилось во время первой селекции на железнодорожной станции лагеря «Освенцим». Я не писал об этом, потому что, иногда, мне кажется, что это было не со мной.

Доктор Джозеф Менгеле, один из самых печально известных убийц Холокоста, выбирал заключенных: направо — для работы в лагере, налево — в газовые камеры. В моем случае Менгеле указал налево. Поскольку я никого не узнал в левой линии, за спиной Менгеле я перешел на правую сторону, т.к. увидел несколько своих молодых коллег. Только Бог знает, откуда возникла во мне эта идея, и где я нашел мужество сделать это.

В первые же минуты пребывания в «Освенциме», меня заставили отказаться от моего отличного пальто, а вместо него я получил старое порванное. Это пальто, видимо, принадлежало человеку, который был отправлен в газовую камеру. В кармане я нашел листок, вырванный из молитвенника. На этом клочке бумаги была главная молитва Иудаизма — Шма Израиль («Слушай, о, Израиль, Господь Бог наш один»). Как еще мог я интерпретировать это совпадение, как не вызов мне жить. Практиковать то, что я написал, что проповедовал. На протяжении всего срока пребывания в лагере эта молитва, спрятанная в подкладку моего пальто, оставалась со мной. Но на момент моего освобождения необъяснимо исчезла. Я испытываю странное чувство, когда думаю о том, как удалось сохранить кусочки бумаги, на которых я реконструировал рукопись книги.

Ранее я упоминал венского мошенника, который наряду с другими хулиганами и преступниками стал капо. Его выбрала администрация лагеря для поддержания порядка среди заключенных. Случилось следующее...

Я был последним, кого включили в группу для транспортировки, состоящую из 100 человек. Как только группа двинулась вперед, этот мошенник набросился на заключенного, стоящего рядом со мной и начал избивать его, нанося сокрушительные удары. Затем, он, буквально, пинками вогнал заключенного в нашу группу, а меня вытолкнул из нее. Он проклинал избитого заключенного потоком грязных ругательств, и сделал вид, как будто тот хотел выскользнуть из группы. К тому времени, когда я понял, что произошло эти 100 человек уже ушли. Мошенник — мой защитник (в этом случае) должно быть знал, что группа была отправлена в газовую камеру. Я был убежден, что он спас мне жизнь.

¹ Берген-Бельзен (нем. Bergen-Belsen) — нацистский концентрационный лагерь в земле Нижняя Саксония, расположен в миле от деревни Бельзен и в нескольких милях к юго-западу от г. Берген.

Этот случай не был единственным. Позже в лагере «Кауферинг 3», я выжил благодаря Беншеру — будущему мюнхенский телевизионному актеру. Я обменял сигарету на чашку водяного супа, который хотя бы имел запах копченого мяса. В то время как я пил суп, Беншер говорил с безотлагательностью, призывая меня побороть пессимизм. На тот момент мной завладело настроение, которое я наблюдал у других заключенных. Оно, как правило, приводило к отчаянию, неспособности сопротивляться, и рано или поздно к смерти.

В лагере «Тюркхайм» я заболел сыпным тифом и был близок к смерти. Мысль о том, что моя книга никогда не будет опубликована, приводила меня в отчаяние. Я набрался мужества и спросил себя: «Что это за жизнь, если ее смысл целиком и полностью зависит от книги; от того увидит книга свет или нет?» Эта ситуация напомнила мне Авраама, который был готов принести в жертву своего единственного сына. Я должен был подготовиться к тому, что, возможно, мне придется принести в жертву свою книгу, которая была для меня своего рода духовным ребенком.

После перенесенного тифа, обычно по ночам, я испытывал болезненные ощущения во время дыхания. Однажды ночью со мной случился очередной приступ. Я был в отчаянии и решил пойти в барак главного врача. Главным врачом был мой венский коллега — доктор Рацз. Я никогда не забуду, как проползал это расстояние между бараками в сто метров. В ночное время это было строго запрещено. Я знал, что охрана в сторожевой вышке могла заметить меня и начать стрелять из автомата. Я рисковал жизнью, имея выбор смерти: задохнуться или быть расстрелянным.

Я никогда не видел кошмаров о строгих итоговых экзаменах средней школы (финальные экзамены в Вене называют «Матура» — тест зрелости), хотя многие австрийские студенты испытывали серьезные сложности со сдачей этих экзаменов. Но я все еще вижу кошмары о моей жизни в концентрационных лагерях. Это было действительным испытанием моей зрелости. Я мог бы избежать этих экзаменов, иммигрировав в Америку. Там я развивал бы логотерапию, закончив дело всей моей жизни, выполнив свою задачу. Но я не иммигрировал, и оказался в «Освенциме». Это было экспериментальное мучение. Две базовые человеческие возможности: самотрансценденция и самодистанцирование были проверены и подтверждены концлагерем.

Это эмпирическое доказательство подтверждает непреходящую ценность «волю к смыслу» и трансцендентности — выхода за пределы самого

себя. Находясь в тех же самых условиях, те, кто был ориентирован на будущее, вперед к смыслу, к значению имели больше шансов выжить. Нардини и Лифтон — два американских военных психолога, вышли на ту же мысль, будучи в лагере для военнопленных в Японии и Корее.

Я убежден в том, что решению восстановить потерянную рукопись помогло мне выжить. Я начал работать над ней, когда я был болен тифом и пытался бодрствовать, даже в ночное время для предотвращения сосудистой недостаточности. На мое сорокалетие заключенный подарил мне огрызок карандаша и почти чудом сворованные им несколько маленьких форм СС. На задних частях этих форм я набросал примечания, которые могли бы мне помочь восстановить мой труд «Доктор и душа».

Эти примечания послужили мне хорошую службу, когда позже я начал осуществлять свои мечты, записывая второй проект первой прерванной книги, теперь обогащенной подтверждением моей теории концентрационными лагерями. Еще в лагере я спроектировал дополнительную главу книги о психологии лагерей.

На Первом Международном Конгрессе по психотерапии в Лейдене, Голландия, я продемонстрировал аудитории то, как я на личном опыте использовал самодистанцирование:

Я не раз пытался дистанцироваться от страдания, которое окружало меня, воплощая свою теорию. Я помню однажды утром я шел из лагеря к месту работы, едва справлявшийся с голодом, холодом и болью моих обмороженных и гноящихся ног, разбухших от отека и сжатых в моей обуви. Моя ситуация казалась мне мрачной, даже безнадежной. Тогда я представил себе, что стою на кафедре в большом красивом, теплом и светом зале. Я собираюсь прочитать для заинтересованной аудитории лекцию под названием «Психотерапевтический опыт в концентрационном лагере» (это название я позже использовал на конгрессе в Амстердаме). В воображаемой лекции я сообщаю то, что сейчас переживаю. Поверьте мне, дамы и господа, в тот момент я не смел надеяться, что когда-нибудь это свершится, будет моим счастливым случаем, и я на самом деле буду читать такую лекцию.

В общей сложности я провел в концентрационных лагерях 3 года. Я был в четырех лагерях: «Терезиенштадт», «Освенцим», «Кауферинг 3» и «Тюркхайм». Я выжил. Но моя семья... Мой отец умер практически на моих руках в «Терезиенштадте». Мать умерла в газовой камере «Освенцима». Брат, как мне сказали, погиб в шахте одного из филиала «Освенцима». «Господь дал каждому его собственную смерть», —

Рильке. За исключением моей сестры, которая уехала в Австралию.

Мой старый друг — Ерна Фелмейэр некоторое время назад послала мне стихотворение. В 1946 году я написал на обороте этого стихотворения предписание, которое отражает мое настроение в это время:

Вы тяготите меня, те, которых я потерял в смерти.

*Вы дали мне безмолвный завет — жить ради Вас;
Для меня сейчас главное — погасить долг Вашего истребления.*

*Пока я не знаю, что с каждым лучом солнца
Вы хотите согреть меня, прикоснуться ко мне,
встретиться со мной;*

*Пока я вижу, что в каждом цветущем дереве
Есть кто-то мертвый, кто хочет поприветствовать меня;*

*Пока я не слышу, что каждая песня птицы — это
Ваш голос*

*Это звучание благословляет меня и, возможно,
хочет сказать*

Что Вы прощаете меня, что я живу.

Когда мэр Остина, штат Техас, сделал меня почетным гражданином города, я ответил:

— Это, действительно, неуместно, что Вы делаете меня почетным гражданином. Было бы более уместным, сделать Вас почетным логотерапевтом. Если бы не солдаты Техаса, в том числе из вашего города, которые рисковали жизнями, не было бы сегодня ни Франкла, ни логотерапии. Техасские солдаты освободили меня и многих других заключенных из концлагеря «Турхайм».

Благодаря письму преподавателя Роберта К. Барнсона — президента американского Института Логотерапии Виктора Фрэнкла и десятого Мирового конгресса логотерапии (Даллас, Техас, 1995) я узнал, что в Пентагоне (Вашингтон, округ Колумбия) было проведено исследование. Целью данного исследования была попытка определить местонахождение оставшихся в живых солдат из Техаса, которые освободили заключенных из «Турхайма».

Роберт К. Барнсон написал мне: Мы были бы Вам очень благодарны даже за кратковременную встречу с этими людьми. Мы определили место нахождения солдат. Вдова сержанта Бартона Т. Фулле передала нам униформу, в которой сержант прошел через ворота «Турхайма», в день освобождения лагеря. Если бы не болезнь, я встал бы на колени и поцеловал униформу.

Когда, после освобождения, я вернулся в Вену, мне приходилось слышать один и тот же вопрос: «Этот город не сделал то, что мог сделать для Вас и вашей семьи?»

Когда меня спрашивали об этом, я отвечал встречным вопросом: «Кто и что сделали для меня и моей семьи?» Католическая баронесса рисковала собственной жизнью, скрывая в своей квартире моего двоюродного брата в течение нескольких лет. Социалистический поверенный Бруно Фитерман, позже вице-канцлер Австрии, тайно проносил для меня еду, хотя мы были едва знакомы. По какой причине я должен повернуться к Вене спиной?»

Коллективная вина

Те, кто выдвигает концепцию коллективной вины, ошибается. Всякий раз, по возможности, я боролся с этой идеей. В книге о концентрационных лагерях под названием «Человек в поисках смысла» я рассказываю следующую историю.

Начальник лагеря, из которого я был освобожден, был эсэсовцем. После освобождения мы узнали то, что до этого знал только врач лагеря, который сам был заключенным. Этот эсэовец, не жалея средств, тайно, в аптеке соседней деревни, закупал медикаменты для заключенных концлагеря.

Эта история имеет продолжение. После освобождения еврейские заключенные спрятали эсэсовца от американских солдат. И сказали командиру, что они выдадут его, если только командир пообещает, что не причинит ему никакого вреда. Американский командующий дал слово чести и бывшие заключенные отдали эсэсовца. Ему поручили организацию сбора еды и одежды из соседних деревень для бывших заключенных.

В 1946 году было крайне непопулярно высказываться против коллективной вины или защищать некоторых национал-социалистов. Делая это, я получал выговоры от многих организаций. Я прятал своего медицинского коллегу у себя в квартире, защищая его от преследований со стороны властей. Его преследовали только потому, что он получил «знак почета» от Гитлеровской Молодежной организации. Ему пришлось предстать перед судом по преступлениям нацистов. Суд мог закончиться либо оправдательным приговором, либо смертной казнью.

В 1946 году я читал лекции во французской зоне оккупации Австрии. Я выступал против коллективной вины в присутствии Командующего французскими силами. На следующий день ко мне приехал профессор университета, в прошлом бывший офицер СС со слезами на глазах. Он спросил меня, как я нашел в себе мужество открыто занять позицию против коллективной вины. «Вы не можете сделать этого», — сказал я ему. «Вы говорите, руководствуясь собственными интере-

сами. Но я — бывший заключенный. Номер 119104. Я могу и должен сделать это. Люди будут слушать меня. Моя обязанность — выступить против этого».

Вена: мое возвращение и моя работа

Еще в лагере я пообещал себе найти доктора Потцла, если когда-нибудь вернусь в Вену. И поэтому первое, что я сделал, по возвращению — я нашел его. Накануне встречи с Потцлом, я узнал, что моя первая жена Тилли погибла. Потцл — мой старый учитель был первым, на плече которого я выплакал свое горе. Но я, к сожалению, ничем не мог помочь ему. Как бывший член нацистской партии, он был уволен со своего поста в тот же день, без права восстановления. Как и другие мои друзья, он боялся за меня, беспокоился, что я кончу жизнь самоубийством.

Бруно Питтерманн вынудил меня подписать пустой бланк. Позже он использовал этот бланк, как заявление на вакантную позицию Венской поликлиники. В течение следующих 25 лет, я был руководителем отдела неврологии в этом госпитале.

После возвращения в Вену я пытался найти своего друга Пауля Полака. Найдя его, я рассказал ему о смерти моих родителей, брата и Тилли. «Пауль, — сказал я. — Когда все это происходит в твоей жизни, это должно иметь какой-то смысл. Я чувствую, что-то ждет меня. Я предназначен для чего-то». После этого разговора мне стало легче. Никто не мог понять меня лучше, чем дорогой друг Пауль Полак.

Отто Каудерс — приемник Потцла, руководитель психиатрии в университете клиники убеждал меня написать третий и последний вариант книги «Доктор и душа». Эта работа помогла бы мне выполнить необходимые требования для становления преподавателем университета. Эта идея казалась мне единственным целесообразным занятием, и я похоронил себя в работе.

Я диктовал и диктовал. Три стенографистки-машинистки работали в несколько смен, чтобы захватить все, что изливалось мое сердце каждый день. Все это происходило в неотапливаемой, скудно обставленной комнате, где вместо стекол в окнах был вставлен картон. Я начал ходить по комнате и слова хлынули из моих уст. Я все еще помню, как рухнул на стул, рыдая. Я погрузился в мысли, которые захлестнули меня болезненной яркостью. Шлюзы открылись.

В том же году за девять дней я надиктовал «Человек в поисках смысла». Мне хотелось выразить себя свободно, и поэтому я решил, что книга о концентрационных лагерях должна быть опубликована анонимно. На обложке первого издания не был обо-

значен автор. Рукопись была еще в типографии, когда друзья уговорили меня опубликовать написанное под своим именем. Я не смог противостоять их призыву к мужеству, а так же их аргументу, что мне следует принять ответственность за написанное.

Не странно ли, что среди всех моих книг, эта книга была единственной, работая над которой, я рассчитывал, что она будет опубликована анонимно. Я не рассчитывал, что она принесет мне личное признание. Книга, которая была переведена на 24 языка, которой американские колледжи 5 раз присваивали звание «Книга года».

В университете Беккера, штат Канзас, учебный план, рассчитанный на три года, был назван в честь моей книги. Я знаю монастырь Траппистов, в котором некоторое время отрывки из этой небольшой книги читали во время приема пищи. То же самое происходило в католической церкви во время мессы. Так же мне известен случай, когда монахини распечатывали цитаты из этой книги, и использовали их как закладки для своих студентов. Профессор университета на лекции по философии дал своим ученикам задание, в котором нужно было ответить на вопрос: «О чем рассуждали бы Сократ и Франкл, если бы они разделили одну тюремную камеру?»

Меня тронула и удивила реакция Америки на мою книгу. Я не могу объяснить ее реакцию. По инициативе Гордона Олпорта, написавшего предисловие, я добавил вторую теоретическую часть, которая посвящена логотерапии — «Логотерапия в двух словах». Это квинтэссенция логотерапии, в то время как первая часть книги является автобиографическим повествованием моего опыта выживания в лагерях.

Это, возможно, хороший знак, что даже в такие дни рекламы и давления маркетинга, книга может идти своим путем. Издатель английского издания вообще никогда бы не напечатал эту книгу, если бы не усилия Олпорта. Права на публикацию книги были перепроданы одним издателем другому за 200 долларов. В результате, совершенно неожиданно, издательство, осуществившее покупку, получило огромную прибыль.

Ärztliche Seelsorge (в переводе с нем. Доктор и Душа) после войны путешествовал по всей Европе, в поисках книг, ценных для перевода. Из всех выбранных работ моя книга была единственной среди австрийских книг. Так «Доктор и душа» попала в англоязычное пространство.

Иногда в процессе работы над книгой возникают комичные ситуации. Португальский издатель написал мне, что он хотел бы издать «Человек в поисках смысла» на португальском языке. Я напомнил ему, что он уже

опубликовал эту книгу несколькими годами ранее. Известность, которую издательства обеспечили моей книге, по-видимому, не достигла ее редакторов. Другой издатель из Норвегии сообщил мне с сожалением, что он отклоняет мою книгу, не понимая, что он уже опубликовал ее.

В 1945 году я написал две свои первые книги. Я даже не мечтал о том, что они найдут такой прием за границей. С тех пор написание многих других книг стало частью лично удовлетворяемых стремлений. Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю завершение работы «Доктор и душа», я понимаю, насколько значимой для меня была встреча с Францом Детиком (первый издатель З. Фрейда) в Вене и передача ему окончательного варианта «Доктор и душа».

Я легко веду беседу и с удовольствием выступаю с лекциями. Но подготовка и написание текстов — не мой конек. Это требует многих жертв, которые разделяет со мной моя жена. Иногда приходится оставаться дома за работой над рукописью на протяжении многих солнечных воскресных дней. И забыть о горных восхождениях, в которые я влюбился «с первого взгляда».

Жертвенность Элли в этом вопросе, даже больше моей. Благодаря Элли у меня всегда была возможность объединять профессиональную деятельность и личную жизнь. А Элли отказала себе во многом. Элли является моей копией, дубликатом и в количественном и в качественном отношении. К тому, что я достигаю своим мозгом, Элли приходит своим сердцем. Джейкоп Нидлемен однажды сказал, ссылаясь на то, что Элли была моим верным спутником, сопровождая во всех лекционных турах: «Она та теплота, которая сопровождает свет».

Во время надиктовки книг, я становлюсь настолько поглощенным своим предметом, что не замечаю ничего вокруг. Я теряю счет времени. Однажды работая над книгой, я никак не мог закончить одну страницу. Я размышлял над одним предложением 3 часа, и только тогда оно приняло окончательную редакцию. Я позволю себе рассказать один забавный эпизод. Я лежал на кровати с микрофоном в руках, полностью поглощенный своими мыслями. Я надиктовывал материал на диктофон. Элли хорошо помнила, что в 12:30 мы должны были встретить поезд. Она на цыпочках подошла ко мне и напомнила об этом. На что я ответил: «Элли, запятая, пожалуйста, моя ванна готова, восклицательный знак». Я понял, что произнес нелепицу, до того, как Элли начала смеяться.

Я уже сознался в перфекционизме. Этот вид перфекционизма упомянул еще Сент-Экзюпери: «Совершенство достигается не когда уже ничего нельзя добавить, а когда уже ничего нельзя убрать».

Среди переписки с моими читателями, самыми приятными для меня являются частые письма от американских читателей. Не проходит недели без письма: «Доктор Франкл, Вы изменили мою жизнь».

Однажды, вскоре после войны у нас был гость. Элли сообщила, что Инженер Каусель здесь и добавила: «Но, конечно, это не тот известный Каусель, который только что вышел из тюрьмы». Я попросил Элли пригласить его.

- Меня зовут Каусель. Я не знаю, выдели ли Вы историю обо мне в газете.

На самом деле, мы видели эти газеты. Все были убеждены, что он убил женщину, хотя доказательства говорили об обратном. К счастью настоящий убийца был задержан.

- Что я могу сделать для Вас, господин Инженер? — спросил я.

- Ничего. Я просто пришел поблагодарить Вас. В тюрьме я был в отчаянии. Никто не верил в мою невиновность. Но, кто-то из моих сокамерников дал мне вашу книгу. Только благодаря этой книге я выстоял и не пал духом.

- Что Вы имеете в виду? — спросил я.

Инженер во время заключения поставил перед собой цель: сохранить мировоззренческие ценности. Он осознал, что даже в таких обстоятельствах, может выбрать какую позицию ему занять и как встретить неизбежную трагедию. Он был довольно определенным, и благодаря этому я мог видеть, что он понял, как можно было применить логотерапию в его конкретной ситуации, и что это помогло.

В одной из Азиатских стран, правитель-диктатор отменил выборы и бросил своего оппонента в тюрьму. Через несколько лет, несправедливо заточенный оппонент вовремя интервью в «Недельных новостях» рассказал, как ему удалось выдержать все эти годы заключения.

- Моя мать принесла книгу, написанную венским психоаналитиком Виктором Франклом, и эта книга сохранила меня.

Встреча с философами

Я вспоминаю встречу и беседу с Мартином Хайдеггером² как одну из самых приятных. Когда М. Хайдеггер был в Вене, он написал в моей гостевой книге: «На память о визите прекрасным содержательным утром».

² Хайдеггер (Heidegger) Мартин (26.09.1889, Мескирх, Баден, — 26.05.1976, там же) — немецкий философ-экзистенциалист. Создал учение о Бытии как об основополагающей и неопределимой, но всем причастной стихии мироздания.

На фотографии, сделанной в венском винном саду, он оставил надпись, которая указывает на родство между нашими философиями: «Прошлое, что было впереди» (с нем.) «Что прошло, уже не вернешь, то, что было в прошлом придет» (с англ.)

Мой опыт работы с великими людьми примечателен тем, что они были милостивы ко мне, несмотря на их законную критическую требовательность. Я говорю это, имея в виду не только Мартина Хайдеггера, но также Людвиг Бинсвангера³, Карла Ясперса⁴ и Габриэля Марселя⁵.

Карл Ясперс сказал мне: «Господин Франкл, я знаю все ваши книги, но книга о концентрационном лагере (при этом Ясперс указал на книгу, стоящую в шкафу), принадлежит к числу великих книг человечества».

Лекции по всему миру

В дополнении к моим работам есть лекции, которые я читал на протяжении всей моей профессиональной деятельности. Я люблю читать лекции, но подготовка к ним дается мне непросто. Когда я планировал свою речь на фестивале, посвященном 600-летию Венского университета, я набросал практически 150 страниц примечаний. Это не было моей рукописью. Я не использую рукописи во время выступления, только примечания.

Потребовалось время, прежде чем я свободно начал говорить на английском языке. Нельзя сказать, что мой английский является правильным даже сейчас.

Элли и я понимаем, что выступая перед американской аудиторией, я должен излагать свои идеи на языке аудитории. Как-то в Монреале в кафе рядом с нами сидел посетитель. Через некоторое время мы обратили внимание, что он, не прекращая, протирает стол. Вскоре он принялся за столовое серебро, параноидально натирая его до блеска. Я сказал Элли по-немецки: «Типичное обсессивно-компульсивное поведение возможно, тяжелый случай бактериофобии ...» и кто знает, что я еще сказал? Когда мы уезжали, я не

мог сразу найти свое пальто и этот мужчина обратился к нам на безупречном немецком: «Вы что-то ищете? Могу я Вам чем-то помочь?»

Подобные инциденты происходят достаточно часто, когда мы путешествуем по другим странам. В 1960 году мальчик из Калифорнии спросил меня — откуда я. Я сказал: «Из Вены. Ты знаешь, где это?» Он ответил, что нет. Я хотел помочь ему, не указывая на его невежество, и тогда я спросил:

- Ну, конечно же, ты слышал о Венском вальсе?

- О, да, но я не научился танцевать.

Я не думал сдаваться и поэтому спросил опять: «Но, уж наверняка ты знаешь, что такое Венский шницель?»

- Я слышал об это, — сказал он. — Но, никогда не танцевал под него.

В качестве приглашенного лектора я был в более чем 200 университетах за пределами Европы: в Северной и Южной Америке, Австралии, Азии, Африке. Только в США я выступил с лекциями 92 раза. В четырех турах Элли и я объехали весь мир. Так же благодаря разнице во времени у меня появилась возможность выиграть время и дать 15 ежедневных лекций за 14 дней. Вечером я выступал в Токио, а на следующий день уже в Гонолулу, а на календаре была одна и та же дата.

Именно благодаря моим книгам, Мейми Эйзенхауэр — вдова американского президента, узнала обо мне. Она послала своего семейного врача и его жену в Вену, чтобы они пригласили нас в поместье недалеко от Вашингтона.

Я узнал, что г-жа Эйзенхауэр спрашивала свой персонал в Геттисберге, как она могла бы подготовиться к визиту Франклов. Ее уверили, что никаких приготовлений не нужно. Тем не менее, перед визитом она попросила показать ей фильм. Она хотела знать некоторые ключевые слова и места Вены, такие как дворец Бельведер, гигантское колесо обозрения, Собор Святого Стефана и др. Но она справилась и без этого.

Как только мы встретились, она попросила называть ее Мейми. Она показала нам подарки, полученные от глав разных государств. А также, с особенной нежностью, она обратила наше внимание на подарок, подаренный мужем на их первом свидании, когда он еще был кадетом. Они начинали свою совместную жизнь с нескольких долларов, и эти подарки стали самыми ценными для нее. Я никогда не встречал, и даже не могу себе представить человека менее самолюбивого или может быть, более натурального, естественного или более доброго, сердечного в общении, чем эта первая леди.

³ Людвиг Бинсвангер (нем. Ludwig Binswanger) (13.04.1881, Кройцлинген, Швейцария – 5.02.1966, Кройцлинген, Швейцария) – швейцарский психиатр и основоположник экзистенциальной психологии.

⁴ Карл Теодор Ясперс (нем. Karl Theodor Jaspers; 23.02.1883, Ольденбург – 26.02.1969, Базель) – немецкий философ, психолог и психиатр, один из главных представителей экзистенциализма.

⁵ Габриэлем Марселем (12.12.1889, Париж – 18.10.1973, Париж) – французский философ и драматург.

В Риме Молодая Организация президентов арендовала для своих семинаров отель «Хилтон». Были приглашены три докладчика: Уолтер Марти Шира, Отто фон Габсбург — сын последнего австрийского императора и невропатолог Виктор Франкл.

В США лектора часто оценивают по его гонорарам, и гонорары могут достигать до 10.000 долларов за одно выступление или более того. Я обращаю на это внимание, чтобы проиллюстрировать мое отношение к деньгам. Деньги, сами по себе, не имеют значения для меня. Нужно иметь некоторое количество, но истинное значение денег находится в способности потратить их, не волнуясь на этот счет.

В детстве я отличался от других. Как только моей сестре дядя Эрвин дал 10 геллеров, я убедил ее в том, что у нее опухшие железы, и поэтому я должен устранить их. Я спрятал маленький красный мрамор в одной руке, а другой рукой положил ножницы в ее рот. После имитации подходящего для данной операции шума, я вручил ей мрамор, в качестве ее желез. Платой за операцию были 10 геллеров. Таким образом, я «заработал» деньги.

Некоторые говорят, что время — деньги. Для меня время значит гораздо больше, чем деньги. Когда президент Корнельского Университета предложил мне 9.000 долларов за непродолжительное пребывание в его университете, я дал ему вежливый отказ.

— Это слишком мало? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Но, если бы Вы спросили меня, на что бы я потратил эти деньги, я ответил, что купил бы время — время для моей работы. Так как мне не хватает времени, я не хотел бы продавать его любому.

Если я убежден, что лекция может иметь реальное значение для аудитории, я могу предложить читать ее без гонорара. Я готов также отказаться от согласованной оплаты, как я сделал это в случае с запланированной лекцией для студентов в Оттаве. Им не удалось собрать необходимые средства и из-за этого, они почти отменили лекцию. Я настоял на прочтении бесплатной лекции.

Радиус действия моих лекций трудно оценить, но есть некоторый опыт и я его хорошо помню. Однажды я дал бесплатную, «народную» лекцию в университете Вены. Когда я вошел в аудиторию, я понял, что она слишком мала для такого количества людей. Началась суета. Мы последовали в другую аудиторию, но в ней тоже не помещались все. В итоге мы оказались в актовом зале университета. Уже в 1947 году я дважды читал лекции в концертном зале Вены, потому что они были востребованы аудиторией.

Но популярность имеет и отрицательные стороны. Как-то мне позвонили из офиса Австрийского канцлера и сказали, что очень известный американский фотограф Ирвин Пенн приезжает в Вену, чтобы сделать фотографии для американского журнала. Дирижер Караян, скульптор Вортуба, и психотерапевт Франкл будут сфотографированы в Вене и таким образом войдут в историю. По все видимости эти трое венских мужчин представляли интерес для Американцев.

Ирвин Пенн сделал в нашей квартире больше 400 фотографий и счастливо удался. В течение следующих нескольких месяцев я был в США несколько раз и просматривал последние выпуски этого журнала. Я не нашел в них информации ни об одном из нас. А потом, наконец-то, эта история появилась: огромное фото — сфальсифицированная вклейка известных венских жеребцов Липизанеров и взбитые сливки тортес, но никаких фотографий Караяна, Вортуба и Франкла. Мы, очевидно, не выдержали конкуренции с лошадьми и кондитерскими изделиями.

Евреям трудно понять природный энтузиазм латиноамериканцев. Когда моя жена и я приземлились в городе Сан-Хуан — столице Пуэрто-Рико, нас остановила полиция, едва мы вышли из самолета. Что произошло? Телевидение искало двоих пассажиров с фамилией Франкл для того, чтобы снять фильм об их прибытии. Я полагаю, что мы выглядели недостаточно презентабельно, т.к. Элли и я уже прошли.

В другой латиноамериканской стране первая леди посетила все мои лекции. Я, в один день читал три лекции, каждая из которых длилась два часа. Муж леди — президент пригласил меня на завтрак для обсуждения культурной ситуации в его стране. Они оба прочитали мои книги. Дома, в Европе, я не отважусь рассказывать подобные истории, потому что мне не поверят. Именно по этой причине я пишу об этом сейчас.

Старение

Я не возражаю против старения. Как я сказал, старение не беспокоит меня, пока у меня есть основания полагать, что именно старость делает меня более зрелым. Это проявляется в том, что перечитывая свои работы, я нахожу их несовершенными. Так же компенсация возраста может проявляться и в увлечениях.

Моим гидом был Наз Грубер, когда-то возглавлявший гималайскую экспедицию. Я поднимался на крутой склон Прайнер горы Ракс. Наз Грубер сидел на скалистом навесе, подавая мне веревку, так как я поднимался вслед за ним. Вдруг он сказал: «Знаете,

профессор, когда я наблюдал за Вашим восхождением, не сердитесь, но я понял, что у Вас совсем не осталось сил за пазухой. Но Вы восполняете это Вашей мастерской техникой альпинизма. Я должен сказать, люди могли поучиться альпинизму у Вас». В этот момент я почувствовал себя великим, так как завоеватель Гималаи сказал это!

В конце концов, старение является одним из аспектов бренности человеческого существования. Но, эта бренность может быть сильной мотивацией нашей ответственности. Признание ответственности является основой человеческого существования. Я думаю, будет уместным повторить максимум логотерапии. Я сформулировал ее во сне и записал, когда проснулся. Я использовал эти правила и принципы в своей книге «Доктор и душа». Они заключаются в следующем: «Живите так, как будто вы живете уже второй раз, и как будто вы совершили в первый раз ту же ошибку, которую собираетесь совершить сейчас». И действительно, чувство ответственности может быть усилено таким вымышленным автобиографическим представлением о собственной жизни.

Аудиенция у папы Римского

Меня не стоит поздравлять с успехом, которого достигла логотерапия. В частной аудиенции, дарованной нам Папой Павлом 6, я обратился к нему со словами: «В то время как другие видят результаты, которых я достиг, или то, что само сложилось благодаря удачному стечению обстоятельств, я чувствую, что должен был сделать намного больше, но не сделал». Другими словами, как сильно я обязан Божьей милости, дарованной мне на протяжении всех этих лет, особенно в тот момент, когда я вынужден был пройти через ворота «Освенцима».

Моя жена Элли была со мной на этой аудиенции с папой, и мы оба были под глубоким впечатлением. Папа Павел 6 приветствовал нас на немецком языке. Он признал важность логотерапии для католической церкви и для всего человечества. Он также высоко оценил мое поведение в концентрационных лагерях, но нам было неясно, что именно Папа имел в виду.

Когда Папа дал нам знак о том, что аудиенция подошла к концу, и мы стали направляться к двери, он внезапно снова заговорил по-немецки, окликаая нас. Мне — еврейскому невропатологу из Вены Папа адресовал такие слова: «Пожалуйста, молитесь за меня».

Слова Папы глубоко тронули нас. Его лицо выражало все эмоции. На нем был заметен отпечаток

ночных мук борьбы с совестью, с этими переломными, критическими решениями, которые сделали его и Католическую Церковь непопулярными.

Я полностью осознаю недостатки своих усилий, несовершенство своих работ, смещения и неточности присущие логотерапии. Кьёркегор однажды сказал, что тому, кто предлагает исправление, корректировку, приходится быть предвзятым, фанатичным, «основательно слепо верящим». Быть намеренно односторонним в работе над ошибками, заблуждениями и искажениями — это не порок. Я сформулировал это в своей заключительной речи на пятом международном конгрессе по психотерапии в 1961 году: «Пока мы не имеем доступа к абсолютной истине, мы должны быть довольны, что наши относительные истины исправляют друг друга. В многоголосном оркестре психотерапии мы находим в себе мужество быть предвзятыми. Мы осознаем это».

Я говорю открыто о своих собственных предубеждениях. Они заключаются в критике цинизма, причиной которого можно назвать нигилизм, а также несогласие с нигилизмом, основанном на цинизме. Это порочный цикл нигилистической индоктринации и циничной мотивации. Как разорвать этот порочный круг? Чтобы разоблачить разоблачителей тех сторонников и практиков совершенно предвзятой глубинной психологии, которая гордится своей силой в «разоблачении» темных, бессознательных тайн людей. Фрейд учил нас, насколько важным является разоблачение. Но разоблачение должно где-то остановиться, и это место для остановки находится там, где «разоблачающий психолог» сталкивается с чем-то, что не может быть разоблачено, по простой причине того, что оно подлинно. Психологи, которые не могут остановиться в разоблачении даже там, где находится истинно подлинное, стараются только раскрыть свои собственные тенденции. Они сознательно или бессознательно обещивают то, что является истиной, что, является человеческим в человеке.

Страдание и смысл

Я прошел через школу психологизма и через ад нигилизма. Вполне возможно, что каждый человек, который развивает свою собственную систему психотерапии, пишет, в конечном счете, свою собственную историю болезни. Но, мы должны спросить себя, относится ли эта терапия также и к коллективным неврозам нашего времени. Это могло бы оправдать смысл наших страданий ради других. В некотором смысле наша болезнь могла бы тогда помочь в иммунизации других.

Все эти суждения верны, но только для коллективного невроза или для невроза в целом. Это верно и справедливо для всех страданий человечества.

Президент института Альфреда Адлера в Тель-Авиве в своей лекции упомянул случай одного молодого израильского солдата, который потерял обе ноги в Йом Киппурской войне. Он находился в депрессии и хотел покончить жизнь самоубийством. Затем в один прекрасный день, он стал безмятежным и спокойным. «Что случилось с тобой?» — спросили его удивленно. Он вручил перевод книги «Человек в поисках смысла» и сказал: «Эта книга — вот что случилось со мной». Данный метод можно назвать «Автобиблиотерапией» — исцеление через чтение, и, видимо, логотерапия подходит для этого.

Время от времени люди пишут мне письма о подобных переживаниях. Я получил конверт со страницей из газеты и комплектом фотографий. Письмо пришло ко мне от Джерри Лонга. Газетная вырезка была из «Вестника Тексаркана» от 6 апреля 1980 года. Джерри было 17 лет, когда он стал жертвой дайвинг аварии, которая парализовала его. Он остался парализованным, потеряв основания обеих рук и ног. Он печатал только с помощью карандаша, держа его во рту. Левым плечом запускал транспортное средство, которое позволяло ему ездить в университет для участия в семинарах. Он хотел стать психологом.

Джерри Лонг написал мне, что любит людей и хочет помогать им. Он объяснил свое спонтанное желание написать мне, в следующих словах: «Я прочитал с большим интересом «Человек в поисках смысла». Мои трудности кажутся мне менее значительными, чем те страдания, которые выпали на вашу долю и на долю ваших товарищей. Читая книгу, я нашел бесчисленное сходство между этими страданиями. Я прочитал «Человек в поисках смысла» 4 раза. Каждое прочтение дарило мне новое понимание и озарение. Ваша книга оказывает воздействие, потому что Вы сами прошли через это, Вы пережили это... Я страдал. Я знаю, что без страданий роста добиться невозможно». Позже, когда мы увиделись лично, Джери сказал: «Этот несчастный случай сломал мою спину, но не сломал меня».

Это проливает свет на каталитический эффект не только «книги как терапии», но и психотерапии в целом. Когда на своих лекциях и в своих книгах я говорю о негуманных методах, я часто рассказываю этот случай. В три часа утра раздался телефонный звонок. Звонящей оказалась женщина, которая хотела свести

счета с жизнью. Она с нетерпением ждала моей реакции на это заявление. Я предложил ей все аргументы против такого шага, и мы обсуждали плюсы и минусы. Мы договорились, что она отложит свои планы, и придет ко мне в 9 часов того же утра.

Она приехала вовремя: «Вы совершаете ошибку, доктор, если думаете, что ваши аргументов прошлой ночью были неубедительными. Что помогло мне? Ваше внимание и желание помочь. Я нарушила человеческий сон, разбудив Вас посередине ночи. Но Вы слушали меня на протяжении 30 минут, не проявив раздражения. Я подумала про себя: если такое может происходить в моей жизни, жизнь стоит того, чтобы жить». В данном случае была важна реакция человека, а не применение какой-либо техники как таковой.

Однажды я приехал в клинику утром, и меня поприветствовала небольшая группа американских профессоров, психиатров и студентов, которые приехали в Вену, чтобы сделать исследование. Я только что ответил на все вопросы анкеты, которую они прислали мне. Там было задание: выразить в одном предложении смысл моей жизни. Я решил обратиться с этим вопросом к группе, мне было интересно, догадается ли она. Последовало несколько безмолвных размышлений, после которых студент из Беркли поднял руку и сказал: «Смысл Вашей жизни заключается в том, чтобы помочь другим найти смысл их жизни».

Это были именно те слова, которые я написал.

В заключение, но далеко от заключения

1946 год. Окруженный медицинским персоналом, я делал обходы неврологических секций поликлиники. В тот момент как я оставил одну палату и собирался войти в другую, ко мне подошла медсестра. Она обратилась ко мне от имени своего руководителя челюстно-лицевой хирургии с просьбой выделить одну кровать для пациента, который только что перенес операцию. Я согласился, и она ушла с благодарной улыбкой. Я повернулся к своему помощнику и сказал: «Ты видел эти глаза?»

1947. Медсестра с благодарной улыбкой и ясными глазами — Элеонора Катарина, урожденная Швиндт стала моей женой.

У нас родилась дочь Габриель. Габриель замужем за Францом Весели профессором физики университета Вены. Катарина и Александр наши внуки. Все мы продолжаем жить в Вене.